

УДК 398.221 (= 512.1)

ФЕНОМЕН ПАРАЛЛЕЛИЗМА ДРЕВНЕЙШИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОНИМОВ

М.Х.Бакиров

Опираясь на теорию ностратики о древнейшем культурно-генетическом родстве различных языковых семей, в статье на историко-мифологическом материале носителей этих языков выделяются и группируются по функционально-семантическому принципу общекорневые, параллельные названия целого ряда богов, которые восходят к ранним контактно-родственным взаимосвязям.

Ключевые слова: ностратика, праязык, глоттохронолия, этимология, архетип, пантеон, теоним, бог, средиземноморско-кавказские языки, тюркские языки.

Согласно ностратической (от лат. *noster* – «наш») или борейской теории, индоевропейская, афразийская, картвельская, а также уральская и алтайская семьи языков являются генетически родственными, т.е. считаются появившимися в результате распада общего праязыка-предка, или же благодаря связанным между собой ряду родственных диалектных групп. Если говорить конкретно, то из реконструированных В.М.Илличем-Свитычем свыше 600 ностратических праформ-архетипов на долю алтайской семьи языков приходится 231 лексического корня, а на долю уральской – 202, что вкуче составляет подавляющее большинство выявленных общих лексем. Архидревность аналогичных и тождественных корней в ностратических языках подтверждается и глоттохронологическим, т.е. лексикостатистическим методом, разработанным американским ученым Моррисом Сводышем. Как показывает глоттохронологические результаты этого исследователя, коэффициент сохраняемости определенной части базовой лексики древних языков в течение ряда тысячелетий составляет достаточно большой процент, а именно: за первую тысячу лет сохраняется приблизительно 85 процентов слов, в течение второго тысячелетия – 72 процента и т.д. Процент сохраняемости и утраты слов основного ядра примерно одинаков во всех языках [14:33–34]. А если учесть,

что структура и корневая система тюркских языков носят сверхстойкий характер, то коэффициент изменчивости лексики у последних скорее всего даже ниже, чем у других языковых семей. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на древнетюркские рунические памятники Орхоно-Енисея, словарный состав которых несмотря на их создание свыше тысячи двести – тысячи триста лет назад, продолжает оставаться довольно доходчивым и понятным и в настоящее время.

Для более ясного представления древнейшие истоки и первоначальные регионы ряда мифологических архетипов и архаических названий языческих богов, которые в той или иной форме обнаруживают себя в урало-алтайской мифологии, необходимо указать также на отдельные весьма оригинальные научные положения, касающиеся древнейших межъязыковых связей. Многие ученые, в частности, из иностранных исследователей Баррау Т., Колдуэлл Р., Шрадер О., Тягараджу А., Татле Э., Бауда К. и из российских ученых Долгопольский А.Б. [4:106–119], Пучков П.И. [12:3–19], Андронов М.С. [2:22–41], Алиев И. Г. [1:300], Мусаев К.М. [11:228], Кадраджиев К.С. [7:130–148], Юсифов Ю.Б.[18:19–40] в своих исследованиях пришли к выводу, что в доисторическое время эламиты, дравиды и урало-алтайцы в регионе Средиземноморья и Иранского плоскогорья составляли единую языковую семью или родственные диалекты. В качестве подтверждения данного вывода можно указать хотя бы на общее этимологическое гнездо из 72 слов, установленное Баррау Т., издавна выражающее в дравидском и финно-угорских языках названия различных частей тела. Выявленные же российскими учеными общее лексические корни в алтайских и средиземноморско-каспийских языках в настоящее время доходят до нескольких сотен.

Ученик Иллича-Свитыча Долгопольский А.П. и американский ученый Рефрю К. тоже считают, что урало-алтайская языковая волна двигалась из Иранского плато, и Ср. Азии на север и восток [4:116; 13:114 – 117]. Притом, по утверждению Рефрю, носители этих языковых диалектов обладали навыками зарождающего скотоводства и земледелия. Сюда же можно присоединить и

известную теорию крупного лингвиста Трубецкого Н.С., который одним из первых пришел к выводу, что индоевропейская общность образовалась в результате контактов и смешения с урало-алтайскими и средиземноморско-кавказскими языками [16:72–74].

Все эти перечисленные оригинальные факты являются, на наш взгляд, тем ключом, который позволяет глубже осмыслить и постичь феномен общности и параллелизма древнейших мифологических архетипов и названий богов-теонимов, путем сближения и связывания народов различных языковых семей, находившихся когда-то в генетическом и контактно-культурном родстве. Нами выявлено довольно много однотипных или схожих теонимов, и они были объединены с отдельными наблюдениями других исследователей. Остановлюсь только на наиболее характерных из них.

Как известно, древнейшие имена богов связаны с солярной и небесной мифологией, а именно с поклонением солнцу и небу. Таков древнетюркский бог неба *Тенгре/Тенгери/Тейри/Танри*, который был характерен и для хуннов в форме *tha-riəj* (реконструкция С.А.Старостина). Он же в форме *Тэнгер, Тэнгри, Тэнгэрэ* и *Танара* имеется также в монгольском и тунгусо-маньчжурском пантеонах. Более того, боги неба с созвучными названиями были представлены также и у других древних народов. У шумеров это – *Дингир*, и этой же идеограммой обозначились также ассирийские и уратские боги, у полонезийцев – *Тангароа*, китайцев – *Тянь* (t`ien), у средиземноморских эламитов – *Тур* из праформы *тингир* – божество. Сюда же примыкают, на наш взгляд, теонимы из германской мифологии, обозначающие бога грома: на древнегерманском это – *Тонор*, готском и немецком – *Донар*, а на французском – *Тоннере*.

Если исходить из того, что во многих языках корень-основа *тан/тай/тон/тин/тен/тей* (*дон/дин/ден/дей*) издревле обозначала звук, грохот (например, в индоарийском-ведийском языке *танйату* – гром, древнетюркском языке *тан/тай* – греметь, грохотать, *дай* – звукоподражание грому с раскатами (МК, III. 384), *тин* – чувашском гром без дождя, китайском *тан/тянь* – звук, грохот, *тангу/тяньгу* – барабаны с различными звучаниями,

немецком *доннар* – грохот грома, *доннер* – гром, французском *тоннерре* – гром, скандинавском *тонар* – звучание, грохот, в афразийских языках (кушит, сомали) *тун* – грохотанье, гул, *тунту* – барабан, дравидском дангурави – барабан, самодейском *тунту* – барабан, алтайском *тангур/дунгур* и бурятском *тэнгер* – шаманский бубен, удмуртском *донгыр* – грохот), то напрашивается вполне резонный вывод о том, что теонимы с корнем *тан/тай/тон/тян/тей*(*дон/дин/ден*) образовались на основе звукоподражания грому, идущие из глубины тысячелетий. Одни из них стали обозначать громовиков, а другие употреблялись в значении как небесного бога и божества вообще, так и в значении неба. Например, название неба в китайском – *тянь*, японском – *тий/тей/тэн*, хуннском – *тан(ли)*, древнетюркском – *тенри/танри/тейри*, прусском – *дан(гус)*. К этому перечню можно добавить фонетический вариант того же корня, основанный на чередовании *т/д* → *ч/с*, – *чай/чый/чей*, означающий также звучание. Отсюда по-китайски *сай*, у ряда тюркских народов *чай* – большой колокол, в древнетюркском *чый(чей)* – звенит, хуннском *чэн(ли)* – небо, на языке японцев острова Кохама *чий/чийи* – тоже небосвод. Указанные названия неба, думается, произошли как синонимы от чокующего варианта звукоподражательного корня *тан/тен* (*дан/ден*).

Таким образом, получается, что первая часть или корень-основа *тен/тенг-тэн/тан/тай* теонима *Тенгри/Тайри/Тэнгэрэ* – это звукоподражательное слово, восходящее к грохоту грома. А гром, по представлению древних, является неотъемлемым атрибутом именно неба и небесного бога. К тому же происхождение данного корня-архетипа, думается, как нельзя лучше объясняется древнейшей формой словообразования, основанной на звукоподражательном принципе.

Что же касается второй части составного теонима *Тенгре/Тейре/Тангароа*, т.е. окончания или аффикса с фонетическими вариантами *ре/ри/ра*, то она, нам кажется, исходит из древнего названия солнца и ассоциирующегося с ним бога или божьего глаза. У полонезийцев, например, *ра* – солнце, *Оро* – бог солнца; у египтян бог солнца также назывался *Ра*, а в борейском праязыке *ре/рэ* – солнце,

рассвет, хурритском *Хурри* – утро, Земля Востока, алтайском **нара* – солнце, день, армянском *Ара* – божество весны. Позже от этих общих праформ произошли, по-видимому, составные теонимы, а именно: одно из названий солнца на санскрите – *Рави*, *сура* – бог (в «Ригведе» всегда связывался с солнцем), древнеиранское *Митра* – бог солнца, древнеиранское *Индра* – бог небесного свода (солнце – его глаз), в древнегреческой мифологии *Аврора* (*ауро* – букв. «предрассветный ветерок» + *ра*) – богиня утренней зари; далее – производные слова с новыми значениями: семитское *ревин* – солнце-сын, итальянское *ре* – король, древнеиндийское *раджа* – царь, латинское *радиус* – луч, русские *радуга*, *заря*, *зарев*, чеченское *йре*, ингушское *уйра* – утро, татарское *рэшэ* – солнечное марево.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что теоним *Тенгри/Тангри/Тайра/Тэйре* произошел в результате слияния двух лексем: звукоподражательного слова *тан/тай/тэн*, выражающего грохот грома и *ре/рэ/ра*, обозначающего солнце, которые в совокупности стали употребляться как в значении неба, так и в значении небесного бога. Именно в силу того, что понятие «тангри-бог» в широком смысле этого слова объединяло в себя, кроме неба, также солнце и молнию, у древних тюрков не было специальных общенациональных богов, олицетворяющих их в отдельности. Этим же объясняется и приближение древних тюрков вплотную к идее единобожества, завершившееся созданием довольно развитой религии Тенгрианства.

Надо подчеркнуть, что предложенная нами новая этимология отличается как от версии казахского тюрколога Мусаева К.М., возводящей теоним Тенгир к древнему глаголу *тен* – «подниматься», «возвышаться» и присоединявшему к нему суффиксу причастия – *ир*, так и от этимологии якутского ученого Антонова Н.К. со значением «муж зари» (*тай* + *ир*). Интересующее нас древнетюркское слово *Тенгри/Тейре*, обозначавшее высшее языческое божество, оказалось весьма жизнестойким и, пройдя около двух с половиной тысяч лет, дошло до наших дней и стало синонимом мусульманского бога

Аллаха. Этот факт лишний раз подчеркивает преемственность и долговечность мифологических теонимов.

Близкий по звучанию Тенгри/Тэнгер корень *тор/тур* образует другой семантический ряд теонимов. К ним относятся древнегермано-скандинавский бог грома *Тор*, древнеисландский бог неба – *Тюр*, ханто-мансийский небесный бог – *Торын*, эстонское и финское высшие божества *Таара* и *Тоора*. Дравидское название бога – *тиру/чиру*, чувашское – *туре*, карачайское – *тейри*, татарский теоним *тэре*, обозначающий языческое божество и икону с изображением христианского бога – также продолжают ту же этимологическую линию. Ряд исследователей этимологию этих теонимов возводят к стяженным вариантам звукоподражательных грохоту грома слов (например, германо-скандинавское *тонар* – «гремять») и образованных от них теонимов-громовиков (*Тонор* – бог грома), а также к небесному богу *Тенгри/Тэнгер/Танара* алтайской семьи языков. К культовому и сакральному значению корня *тор/тура*, по-видимому, восходят и древнееврейское слово второго плана *тора* – закон, древнетюркское *т'орэ* – закон, обычай и слова *т'орэ/т'ирэ* – глава, господин, *т'ор/т'ир* – почетное место в юрте или доме, общие для ряда тюркских языков.

Отдельную группу составляют теонимы с основой *ан/эн/ен/ин*, также восходящие к архаическому субстрату древних языков Средиземноморья и Иранского плоскогорья. Мы имеем в виду то, что у шумеров небо называлось *ан*, бог неба – *Анум*, а «владычица небес», богиня плодородия – *Инанна*, слово же *эн* имело значения «бог», «владыка», «жрец». Примерами могут служить теонимы *Энлиль* – «божество ветра» и *Энки* – «бог земли». Из соседних народов – у халдеев небо именовалось *ана*, *Ану* – бог неба, аккадцев *Анту* – богиня неба. Этот же корень имел и другую огласовку: у урартов названия бога – *ин/ину*, хуррито-субарейцев – *ене/ину*. Поразительно то, что аналогичные названия неба и бога с глубокой древности сохранились также в языке и мифологии у некоторых современных народов. Например, на языке коми *эн/еп* – небо, бог. В близкородственном коми языке удмуртском *инмар* – бог, при названии неба – *ин*, финском теоним бога – *илма*, образованный из проформы

инма. Кроме того, слово *ан* в коми и удмуртском языках означает *нёбо*, а в дравидском название неба – *аннам*, татарском – *айкау*, что безусловно, связано с верхней частью рта и является как бы его «небом». А в древнетюркском зафиксированы слова *уган* – бог, всемогущий, *ынаг(инан-)* – вера, *йашын(йэшен)* – молния, в монгольском *наран* – солнце, тувинском *анган* – высота, верх. Анахита – богиня туранцев. Этот же перечень можно дополнить параллелями из пантеона палеоазиатов чукотско-камчатской группы, христианскую икону (бога) они называют *энэн*, а у коряков общее название бога – *анан*.

На наш взгляд, слово *ан* (бог) у тюркских народов стал даже своеобразным знаком – суффиксом класса диких животных, представлявших, по верованию наших предков, животными бога, т.е. не домашними, или не прирученными, вольными. Да и само слово в форме *ай(*ан)* в древнетюркском языке обозначало именно диких (< божественных) животных и прибавлялось к концу их зоонимам как суффикс *ан*. Например *тарпан* – дикая лошадь, *кулан* – дикий ишак, *кабан* – дикая свинья, *арслан* – лев, *болан* – олень, лось, *елан* – змея, *куян* – заяц, *каплан* – леопард, *абшан* – медведь, *келэн* – единорог. А у домашних животных такого окончания нет: *ат* – лошадь, *айгыр* – жеребец, *сыгыр* – корова, *бузра* – верблюд, *кон/кой* – овца, *кечи* – коза и др. Данная зоологическая классификация, разработанная у древних тюрков, созвучна с такого же типа классификацией у семито-хамитских языков, где дикие звери маркировались с морфемой-кодом «б»: *ди-б* – волк, *лаб-б* – лев, *дуб-б* – медведь.

Не меньший интерес представляют также параллельные теонимы с древнейшей основой *кири/кери/кирум*. У народов Средиземноморского и Иранского региона, в частности, у эламитов и касситов суть слов *кири/кури/киур* – божество, владыка, луллубеев *киурум* – бог [1:83], этрусков *каерим* – священный. В кавказском же регионе в сванском и грузинском языках путем чередования *б* и *м* (сравните с аналогичным чередованием у древних тюрков: *буз/муз* – лед, *бен/мен* – я) из той же основы произошли теонимы

керб/кереб – бог, идол [9:150]. Как установил языковед Марр Н.Я., за корнем *кerm/керум* скрывается древнее название змеи и дракона. Такое значение, связанное с культом змеи, сохранилось в древнеиндийском языке в форме *крими* и персидском (например, в «Шах-наме») в форме *кerm*. Нам кажется, от этих основ можно протянуть нить и к языческому названию *кереметь*, культ которого, совместно с древнейшим культом змеи, были характерны для угрофинских и отчасти тюркоязычных народов. Предложенная нами такое толкование происхождения и первоначального значения лексемы *кереметь* резко расходится с известной версией, которая, исходя лишь из созвучия слов, напрямую связывает его с арабским *кэрамэт* – щедрость, почесть, чудо (чудесная молитва ишана-мюршида). На наш взгляд, возведение названия места языческого моления и его духа-хозяина к суфийскому термину мусульманской религии, не соответствующей сути культового обряда, более чем сомнительно.

Неожиданные теонимы обнаруживаются и при сопоставлении слов с праформой *куар*. Таким именем, в частности, назывался гуннско-суварский бог грозы на Кавказе. Но генетические корни этого слова, думается, уходят вглубь – к древнеиранскому и урартскому пантеонам. В первом из них – в «Авесте» – *хвар/hvarg* обозначал солнце, (кстати, область с таким названием была зарегистрирована и на территории древней прикаспийской Мидии), а во втором, т.е. урартском пантеоне бог плодородия именовался *Куара/Куера*, аналогичный бог у грузин – *Квара* [3:233–234]. Имена этих богов, связанных с солнцем и молнией, почти дословно совпадают с архаичными названиями огня: у грузин это – *квара*, у чуваш – *кйвар*. К этому же ряду, безусловно, примыкает удмуртский диалектный теоним *куазь* – название бога неба, который первоначально имел праформу *куар*. Это же слово обозначает также погоду. Все эти боги, хотя в чем-то расходятся между собой, по своим функциям довольно близки друг к другу и принадлежат к древнейшему мифологическому пласту и общей теологической основе.

В заключении остановимся еще на одном лексическом архетипе, обозначавшем в ряде древних культур солнце. Это, в частности,

древнетюркское *кӱн*, в большинстве тюркских языков *кӱн*, *кӱн*, *кин*, *гӱн*, *гӱнеш*, в языках американских индейцев майя – *кин/киӱ*, инков – *кон* (**кӱн*). Благодаря солнцепоклонничеству, связанному с всеобщим культом плодородия и размножения, эта солярная лексема стала основой дошедшего до нас у ряда архаичных теонимов. Мы имеем в виду древнетюркский *Кӱн Теңри* букв. бог-солнце (зафиксировано в памятнике X в. «Алтун йарук» – «Золотой блеск», а также манихейских памятниках), у инков *Кон-Тики* (Солнечный король, вар. принц) [17:429–430] и *Йаш Кин* (Молодое солнце) у народности майя [8:7–8; 15:144–146]. Не является ли своеобразным реликтом древнего культа утреннего, новорожденного солнца, сохранившихся в древнетюркском и татарском языках и слово *куйаш* < ко(н) + йаш – солнце молодое? Сравните также древнетюркское *йашык* – солнце. Наличие в аккадском языке сложного слова *шаррукин* – царь-солнце дает основание полагать, что праформа **к-н* – солнце была представлена и на ареале Передней Азии. Позже традиция отождествления или сопоставления верховного правителя с солнцем получила дальнейшее развитие и привела к возникновению целого ряда созвучных сословных терминов: *кон* (древнескандинавск.), *кинг* (англ.), *кюниг* (немец.), *инк* (ацтек) – король, царь, *кӱнег* (тюрк.), *коэн* (евр.) – князь, *кун-кан* (эфталит.) – солнце-хан, а также появились производные другого типа: семитское *кэну/кэну* и древнетюркское *кӱни* – верный, правдивый. Русский князь с эпитетом «красное солнышко» скорее всего также восходит к архетипу **к-н/кин* – солнце.

Подводя итог вышеизложенному, следует еще раз подчеркнуть, что между различными языками и их носителями с глубокой древности существовали как генетические, так и культурные связи, которые образовались еще в обширном регионе Передней Азии, Ирана и Кавказа. Наши прапрадеды унесли оттуда целый ряд исходных морфем-слов и праформы первоначальных теонимов. И позже на своих новых территориях вплетали их в свои мифологии, а также по образцу таких моделей создавали новые. Этой удивительной

преемственности, обусловленной древним родством и многосторонними взаимосвязями, мы обязаны нестареющей, вечно живой памяти наших предков.

1. Алиев Играр. История Мидии. I. – Баку, 1960. – 560 с.
2. Андронов М.С. Дравидийские языки. – М., Наука, 1965. – С. 22–41.
3. Булатов А.Б., Дмитриев В.Д. Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Ученые записки ИЯЛИЭ. – Чебоксары, 1962. – С.226–236.
4. Долгопольский А.Б. Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество. – М.: «Знание», 1971–1972. – С. 106–119.
5. Иванов Вяч. Вс. Об отношении алтайских языков к восточно-ностратическим//Историко – культурные контакты народов алтайской общности. –М., 1986. –Ч. II. – С. 59–68.
6. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский. индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь. – Т.1–3. –М.:Наука, 1971–1984.
7. Кадыраджиев К.С. Структура и генезис кумыкских мифологических элементов палеотюркского происхождения// Мифология народов Дагестана. – Махачкала, 1984. – С. 130-148.
8. Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. – Л.: Наука, 1975. – 242 с.
9. Марр Н. Еще о слове «челеби»// ЗВОРАО. – Спб., 1911. – Т. XX, вып. II–III. – С. 99–151.
10. Меликишвили Г.А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири-Урарту. – Тбилиси, 1954. – 446 с.
11. Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984. – 228 с.
12. Пучков П.И. Некоторые проблемы протоэтногенеза// Исчезнувшие народы. – М.: Наука, 1988. – С. 3–19.
13. Рефрю К. Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема // Вестник древней истории. 1998. – № 3. – С.112–121.
14. Сводеш Моррис. Лексикостатическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. – М.: Изд. иностр. литературы, 1960. – С.23–52.
15. Сулейменов Олжас. Язык письма. – Алматы-Рим, 1998. – 497 с.
16. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. – 1958. –№1. – С.65–77.
17. Хейердал Тур. Экспедиция•Кон-Тики•Ра• – М.: «Мысль», 1977. – 517 с.
18. Юсифов Ю.Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами// ВДИ, 1987. – № 1. – С. 19– 40.

The phenomenon of parallelism of the most ancient mythological theonyms

M. Kh. Bakirov

With a foundation of the theory of nostratics which refers to the most ancient cultural and genetic relationship of various language families, general and parallel names of a number of gods which dated back to early contact and related interrelation are distinguished and grouped on functional semantic principle in the article made out of a historical and mythological material of native-speakers.

Keywords: nostratics, glottochronology, protolanguage, etymology, mythology, archetype, the pantheon, theonym, god, Mediterranean-caucasian languages, turkic languages

Бакиров Марсель Хаernasович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории татарской литературы ИФИ Казанского (Приволжского) федерального университета.

Поступила 27.12.2011.